

Бай Сяньчэнь был из тех людей, кто воплощал поговорку «что днем в мыслях, то ночью в снах» до последней капли.

Вчерашняя встреча с Се Уцзю и упоминание имени Чжун Чжуна привели к тому, что Бай Сяньчэнь всю ночь промучился в кошмарах. На следующее утро Ху Цину пришлось несколько раз звать его под дверь, прежде чем тот проснулся.

Поднявшись, Бай Сяньчэнь обнаружил, что три вчерашних замка отперты, а Ледяной Красавицы снова нет.

Протирая глаза и вспоминая ее вчерашнее чудесное преображение, он уже не так паниковал. Боясь, что Красавица вернется и не сможет войти, он специально оставил дверь приоткрытой.

Поняв, что цветок сам способен находить способ восстановить силы, Бай Сяньчэнь решил не идти на Пик Снежной Бумаги.

Лишние встречи с Се Уцзю ему были ни к чему.

Заметив, что вышедший Бай Сяньчэнь выглядит бледнее обычного, а под глазами залегли тени, Ху Цин участливо спросил:

— Плохо спал ночью?

Бай Сяньчэнь кивнул и жестом показал: «Холодно».

Ху Цин удивился:

— Ты шутишь? На Пике Десяти Тысяч Образов – холодно? Я вчера от жары уснуть не мог!

Поняв, что в его словах есть нестыковка, Бай Сяньчэнь лишь с улыбкой замаял тему.

Возможно, из-за присутствия Ледяной Красавицы ему и впрямь во сне становилось зябко, а стоило температуре упасть, как он тут же мысленно возвращался в те времена, когда держал Се Уцзю в заточении в демонических владениях.

Оттого и сон был не в радость.

Ху Цин сегодня специально пораньше повел всех в библиотеку, наставляя по пути:

— Вчера глава секты распорядился открыть библиотеку для всех учеников на ближайшие дни, но с условием: заниматься можно только внутри, выносить манускрипты запрещено. Шанс редкий, так что не вздумайте лениться – хоть живите в этой библиотеке, забудьте про еду и сон, только учитесь.

Золотые руны в библиотеке создавали защитный барьер вокруг каждой книги: пока ты находишься внутри, никто не сможет их повредить, так что запрет на вынос был вполне оправдан.

Поразительно было другое: библиотека, закрытая столько лет, вдруг распахнула двери.

Впрочем, Бай Сяньчэнь не особо удивился этой новости.

Еще вчера, когда Се Уцзю в виде исключения разрешил им с Линь Цзином остаться, он подспудно догадывался, что учитель позволит сделать это и всем остальным.

Се Уцзю никогда не выделял любимчиков, всегда стремясь к идеальной справедливости. Он казался холодным, но во многих мелочах подсознательно старался «соблюдать равновесие».

Бай Сяньчэнь в свое время не раз ссорился с ним из-за этого.

Другие старейшины секты Нефритового Небосвода тоже обучали учеников, но свои самые сокровенные техники и секретные приемы они передавали только личным ученикам. У тех всегда были особые привилегии.

Но только не у Се Уцзю.

Едва Бай Сяньчэнь стал его учеником, он заметил, что личные ученики других старейшин тоже приходят к Се Уцзю за советом. И о чем бы они ни спрашивали, Се Уцзю обучал их всему.

У него не было секретов, не было ни одной области знаний, предназначенной исключительно для Бай Сяньчэня.

Долгое время Се Уцзю уделял другим ученикам даже больше времени, чем собственному.

Бай Сяньчэнь тогда еще не обладал нынешней зрелостью и не умел скрывать недовольство. Он начал капризничать и однажды прямо спросил учителя:

— Учитель, неужели вы не можете обучать только меня?

Этот вопрос поставил Се Уцзю в тупик.

Он обладал телом лотоса ледяного сердца и по сути не был человеком. К тому же он находился под влиянием Великого Мастера Пути Бесстрастия, из-за чего плохо разбирался в человеческих чувствах и тонкостях отношений. Почти всё, что он знал о жизни, он почерпнул у своего наставника.

Предыдущий глава секты никогда не выделял Се Уцзю среди прочих учеников и не хранил для него особых тайн – любой в секте мог обратиться к Мастеру за наставлением.

Тот говорил Се Уцзю: если допустить хоть одно исключение из правил, вскоре сердце Дао даст трещину. Нет разницы между спасением человека и спасением травинки; в сердце должна царить щедрость. Любое деяние должно совершаться без ожидания награды, без корысти и пристрастий, беспристрастно. Только достигнув этого, можно считать, что ты ступил на порог Пути Бесстрастия.

По мере того как в Се Уцзю пробуждалось человеческое восприятие, он отверг многие догмы Мастера, но основы Пути Бесстрастия оставались непоколебимы.

Просьба Бай Сяньчэня явно шла вразрез с принципами, которым Се Уцзю следовал сотни лет.

Для Се Уцзю это предложение звучало так, будто Бай Сяньчэнь пытался одним пинком вышвырнуть его за порог Пути Бесстрастия.

Се Уцзю обрушил на него ворох поучений, словно монах, читающий сутры, но он был не Танским монахом, а на голове Бай Сяньчэня не было умиряющего обруча. Сколько бы учитель ни вещал, юноша не собирался сдаваться и продолжал упрямиться с обиженным видом.

Бай Сяньчэнь твердил:

— Учитель не должен так поступать! Если вы можете учить кого угодно, если на Пути Бесстрастия нельзя делать исключений, то зачем вы вообще взяли личного ученика? Разве само это звание – не исключение?

Этот вопрос в свое время Великий Мастер задал самому Се Уцзю и дал на него стандартный ответ: «Это лишь формальный статус. Не смей воображать себя особенным. Пути Бесстрастия нужен преемник с чистым разумом. Если однажды ты захочешь найти во мне некую „особость“, это будет значить, что в тебе нет искры Дао, и я найду кого-то более подходящего».

Проще говоря: начнешь капризничать – вылетишь вон!

Се Уцзю, будучи по природе не совсем человеком, воспринял эти резкие слова спокойно.

Он вполне мог бы пересказать этот ответ ученику, но, глядя на обиженное лицо Бай Сяньчэня, понял, что такая фраза мгновенно доведет того до слез. Не желая спорить с ребенком, он в конце концов уступил:

— И что же, по-твоему, должен делать учитель?

Бай Сяньчэнь не ожидал, что тот спросит его мнения.

На его взгляд, Се Уцзю должен был прогнать всех незваных гостей и учить только его одного. Но было ясно, что такое предложение вызовет у учителя подозрения и выставит Бай Сяньчэня мелочным...

Бай Сяньчэнь умел идти на компромисс: если нельзя быть единственным, можно стать первым.

В итоге он предложил:

— Отныне всему вы должны сначала обучать меня. Только когда я всё усвою, вы сможете учить других. А пока я не выучу – остальным придется ждать.

Се Уцзю немного подумал и согласился.

Бай Сяньчэнь добавил:

— И еще! Вы не должны учить других у меня на глазах.

Се Уцзю не ожидал, что ему придется прятаться, чтобы дать кому-то совет, и на это согласия не дал.

Тогда Бай Сяньчэнь рухнул на кровать и зашелся в рыданиях – из тех, что «грома много, а дождя нет». Сколько он ни тужился, не выдавил ни слезинки, и в итоге его плач перешел в заунывные вопли, от которых у Се Уцзю голова пошла кругом.

— Мне всё равно! Только попробуйте еще раз при мне кого-то учить, увидите, что будет!

Бай Сяньчэнь закатил такую истерику в стиле «если вы посмеете, я тут же скончаюсь», что Се Уцзю окончательно сдался. Ему было лень прятаться, и он просто решил, что впредь не будет учить никого, кроме Бай Сяньчэня.

С тех пор на Пике Снежной Бумаги почти не бывало «незваных гостей».

Бай Сяньчэню казалось, что он наконец-то переспорил Се Уцзю, но он жестоко ошибался.

Одну проблему прижмёшь – другая тут же всплывёт: в плане обучения Бай Сяньчэнь стал для учителя особенным, но во всём остальном Се Уцзю по-прежнему продолжал «соблюдать равновесие» при первой же возможности.

Бай Сяньчэнь словно играл в «убей крота»: стоило ему прижать учителя в одном месте, как тот высывался в другом.

Бай Сяньчэнь не раз напоминал ему о статусе «единственного личного ученика» и хитростью добивался проявлений двусмысленной нежности.

Он говорил:

— Учитель обязан проявлять безграничную заботу о своем единственном ученике. Все так делают, без исключений.

Хотя Се Уцзю и не помнил, чтобы его собственный Мастер проявлял к нему «безграничную заботу», он всё же пошёл навстречу Бай Сяньчэню. Он стал вникать во все бытовые вопросы юноши, пока полностью не взял его жизнь под опеку.

Когда Бай Сяньчэнь заболел или плохо себя чувствовал, Се Уцзю порой даже позволял ему спать рядом.

Его взгляд наконец-то сосредоточился на Бай Сяньчэне.

Но это внимание было мимолетным: стоило Бай Сяньчэню расслабиться, как Се Уцзю снова превращался в фанатика Пути Бесстрастия, твердящего: «У всего в мире есть причина и следствие; не вмешиваться и не сострадать – в этом истинное бесстрастие; сердце должно быть чистым и не затронутым суетой...»

Бай Сяньчэнь до смерти боялся этих его проповедей.

Тогда он думал: неужели Се Уцзю сможет быть таким «беспристрастным» всю жизнь?

Как оказалось – вполне.

Прошло десять лет, а Се Уцзю по-прежнему оставался щедрым ко всему миру, даже больше, чем раньше.

Вспоминая, как вчера Се Уцзю великодушно разрешил им с Линь Цзином остаться в библиотеке, Бай Сяньчэнь почувствовал острое желание замуровать учителя в стену.

Если бы не его тогдашние выходки, Се Уцзю, наверное, давно бы по доброте душевной набрал себе целую толпу учеников.

Просто издевательство...

— Эй, а почему никто не заходит?

Подойдя к библиотеке, Бай Сяньчэнь очнулся от своих мыслей, услышав шум в толпе. Это Ху Цин с любопытством протискивался вперед.

Ученики впереди испуганно оборачивались, и один из них прошептал:

— Глава... глава секты внутри... никто не решается войти...

На самом деле, помимо главы там сегодня был и Старец Ста Трав, но ученик говорил слишком тихо, а Бай Сяньчэнь был слишком поглощен своими чувствами, так что расслышал только про главу.

Неудивительно, что все мялись у входа.

Бай Сяньчэнь понимал их страх.

В своём прежнем мире он бы тоже не захотел заниматься в одном классе с директором или завучем – даже за мелкую оплошность могли вызвать к доске, запомнить и долго отчитывать.

Но сейчас он не желал проявлять понимание.

Се Уцзю «составлял компанию» еще вчера, и сегодня взялся за старое. Вошел во вкус, что ли? Когда-то упросить его посидеть рядом было делом почти невозможным...

Ну и ну, Се Уцзю! Ну и Путь Бесстрастия!

Браво, господин глава! Совсем без дела сидит, сервис вышел на новый уровень: теперь он готов сопровождать всех желающих в учебе круглые сутки!

Заметив, что Бай Сяньчэнь застыл перед библиотекой, несколько учеников, давно точивших на Ван Кэ зуб, переглянулись. Слаженно двигаясь, они начали теснить его вперед.

Почувствовав, что кто-то пытается вытолкнуть его из толпы, Бай Сяньчэнь мгновенно пришел в себя. Оглядевшись, он без труда вычислил заговорщиков с виноватыми и вороватыми лицами. Он лишь холодно усмехнулся про себя.

Он как раз искал подходящий «инструмент», и они оказались весьма кстати...

Четверо учеников разошлись, готовясь разом вытолкнуть Бай Сяньчэня в дверной проем, чтобы тот опозорился. Но сколько бы они ни тужились в толпе, краснея от напряжения, Бай Сяньчэнь стоял на месте как вкопанный.

Не понимая, в чем дело, четверо недоуменно переглянулись и решили прекратить усилия.

Но стоило одному из них расслабиться, как земля под его ногами словно спружинила, вытолкнув его вперед. Причем траектория была выверена идеально: он пролетел мимо всех препятствий внутри и снаружи библиотеки и под изумленные возгласы толпы устремился напрямик к сидевшему в центре Се Уцзю!

<http://bllate.org/book/19453/1908645>